

ИВАН МИХАЙЛОВИЧ СЕЧЕНОВ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Иван Михайлович Сеченов

(1/13.08.1829, с. Теплый Стан Нижегородской обл. – 2/15.11.1905, Москва)

В 1848 г. окончил Петербургское Главное инженерное училище,
в 1856 г. – медицинский факультет Московского университета.

5 марта 1860 г. защитил докторскую диссертацию.

С 1860 по 1870 г. заведовал кафедрой и лабораторией физиологии в Медико-хирургической академии.

В январе 1870 г. был избран членом-корреспондентом Академии наук.

С 1871 по 1876 г. занимал должность профессора Одесского университета.

С 1876 г. – профессор физиологии Петербургского университета.

С 1888 г. – преподаватель Московского университета.

За заслуги в исследованиях в области психологии Сеченов был избран почетным председателем I Международного психологического конгресса (Париж, 1889).

В 1901 г. И.М. Сеченов вышел в отставку.

В январе 1905 г. он был избран почетным академиком Академии наук.

Беликому русскому ученому Ивану Михайловичу Сеченову потомки отвели почетное право быть первооткрывателем целого ряда новых областей научного знания: сравнительной и эволюционной физиологии, физиологии труда и возрастной физиологии и психологии. Но если первопроходство И.М. Сеченова вписано золотыми буквами в скрижали физиологической науки, то в современной психологии о Сеченове вспоминают нехотя и скромно, только отдавая дань истории. И уж совсем, словно под обетом молчания, не упоминается имя Сеченова в контексте политической психологии. Вместе с тем, творческое наследие Ивана Михайловича — сыскавший всемирную известность труд «Рефлексы головного мозга» (1863), работы «Кому и как разрабатывать психологию» (1873), «Элементы мысли» (1878) — никак не дает повода к такому забвению.

Медик по образованию и естествоиспытатель по духу, И.М. Сеченов поставил перед собой задачу: применить четкие критерии естественнонаучного знания к существовавшей на тот момент «вульгарной, практической, или житейской, психологии» и создать таким образом объективную науку. Чем же грешила, на взгляд И.М. Сеченова, практическая, или вульгарная, психология?

«До сих пор практический психолог остается на почве наблюдений, и если по временам с ним и случаются грехи, то винить его можно разве лишь в том, что он иногда слишком доверчиво относится к голосу самосознания, забывая вечно поучительный пример вращения вокруг Земли Солнца. Но отсюда сознание начинает уже теоретизировать, т. е. силится объяснить себе самую суть происхождения психических актов. Спросите, например, любого

человека, принадлежащего к так называемому образованному сословию, но не занимающегося науками, что он думает о происхождении мысли и чувства, и вы, наверно, получите ответ, что способностью мыслить мы обязаны уму, а способностью чувствовать — чувству или чувствительности. (...) Спросите его далее, что ему известно о связи между мыслями и желаниями, с одной стороны, поступками человека — с другой, и он, наверно, ответит вам, что, так как человек волен поступать и согласно своим мыслям и желаниям, и наперекор им, — значит, между ними и поступками должна стоять особая свободная сила, которая и называется волей. Такою же объясняющею силою является у него в теоретической части воображение, сочетающее, и иногда очень прихотливо, различные представления между собой; в такую же силу превращается и память, бывшая до тех пор неопределенным условием сохранения впечатлений; то же проделывается с вниманием и пр. В конце же концов **выходит, что образованный человек объясняет различные стороны психических актов совершенно так же, как объясняет дикарь непонятные ему явления физической природы**; вся разница между ними в том, что у одного производящая причина есть созданная **его воображением сила, а у второго эта причина — какой-нибудь дух**.¹ Сопоставление этого, написанного полтора столетия назад, отрывка с содержанием современных учебников по психологии невольно навевает мысль о том, что время не умалило актуальности данных строк.

Во избежание подобного рода «теоретических умствований», Сеченов предлагает четко опреде-

¹ Сеченов И.М. Элементы мысли. СПб.: Питер, 2001, С. 142-143.

лить критерии психических явлений («диагностические признаки психических реальностей»). Для этого необходимо установить их физику, природу, последовательно восходя от простейших психических проявлений животных к сложнейшим формам психической деятельности человека. **Эволюционный анализ психического развития** позволил И.М. Сеченову утверждать, что в основе всех психических актов лежат закономерности нервной деятельности, и подвести все главнейшие формы психической деятельности животных и человека под один тип рефлекторных (от гл. отражать) процессов. Его взгляд на психическую деятельность как на предмет научной психологии и рассмотрение деятельности с точки зрения процесса, движения, на основе признания родства нервных и психических актов, позволяют рассматривать И.М. Сеченова как основателя деятельностного подхода в психологии.

Важное значение имеют установленные И.М. Сеченовым фундаментальные закономерности психической деятельности и для понимания взаимодействия политических и психических явлений. В своих работах И.М. Сеченов выявляет истоки и значение социального конформизма.

«Стадность людских действий» (на языке И.М. Сеченова), или **конформизм** (в терминологии современной психологии), в следовании одним и отказе от других эталонов для подражания **обеспечивает групповое единство**, преемственность развития группы, передачу культуры, воспроизводит сложившееся деление на своих и чужих («**лежит в основе общественности вообще**»²). Этим обстоятельством объясняется «важная роль подражательности в развитии национального характера»³. Это открытие И.М. Сеченова подверглось забвению, а понятие конформизма связывается в истории социальной психологии с американскими экспериментами 50-х годов двадцатого века.

Другая принципиально значимая для политической психологии проблема, поднятая И.М. Сеченовым, касается роли морально-нравственных чувств, идеалов в управлении как поведением отдельного человека, так и группы, общества в целом. Откуда же происходят морально-нравственные чувства, как рождаются идеалы? По мнению И.М. Сеченова, все начинается с того, что ребенок ассоциирует себя с любимым героем и его качествами и все происходящие вокруг себя события воспринимает и оценивает как бы с его точки зрения. «**Эта история продолжается все время, пока представление его о рыцаре путем повторных слуховых рефлексов (рассказами) наполняется все более и более рыцарскими свойствами. Введите в состав рыцаря отвращение к пороку, и ребенок, ассоциируя себя с таким рыцарем, будет презирать порок, конечно, по-своему, то есть на**

основании своих представлений о физиономии порока. Заставьте вашего рыцаря помогать слабому против сильного, и ребенок делается Дон-Кихотом: ему случается дрожать от волнения при мысли о беззащитности слабого. Сливая себя с любимым образом, ребенок начинает любить все его свойства; а потом путем анализа любит, как говорится, только последние. Здесь вся моральная сторона человека».⁴ В современной психологии **объекты для подражания – герои и их свойства – называются референтной группой**.

При таинстве рождения идеалов противопоказано присутствие насилия. Когда воспитание ребенка основывается на запрещениях и угрозах («не делай того-то и того-то, а то будет то-то») и к тому же дополняется для «вящего назидания какими-нибудь резкими ощущениями»⁵ возникает «печальная мораль запуганных людей».⁶

В основе формирования ценностных ориентаций и эталонов лежит «чрезвычайно многочисленный ряд психических рефлексов»,⁷ которые являются результатом частого повторения в сознании пусковых образов (зрительных или слуховых «страстных представлений»). Данное положение представляет собой **ключ к пониманию методов воздействия СМИ, включая политическую рекламу**. «Страстные представления» являются атрибутами референтной группы («авторитетов» для взрослых и «любимых героев» для детей). Частое повторение этих пусковых образов приводит к появлению автоматических, т.е. бессознательно-стереотипных, реакций на «авторитетов». На внешнем уровне это проявляется как замена страсти глубоким убеждением. Если примеры положительны, то «люди ... развиваются в ... благородные высокие типы. В своих действиях они руководятся только высокими нравственными мотивами, правдой, любовью к человеку, снисходительностью к его слабостям, и остаются верными своим убеждениям...».⁸

По И.М. Сеченову, **сформированные таким образом нравственные мотивы и являются детерминантами свободной воли**. Поступок – это «последствие хотения более сильного, чем желание».⁹ Этот же момент подчеркивается И.М. Сеченовым и при анализе онтогенеза психической деятельности: «**Ни обыденная жизнь, ни история народов не представляют ни единого случая, где одна холодная, безличная воля могла бы совершить какой-нибудь нравственный подвиг. Рядом с ней всегда стоит, определяя ее какой-нибудь нравственный мотив, в форме ли страстной мысли или чувства**».¹⁰

Частота повторения «страстных представлений», доведенная до определенного предела,

5 Там же, С.90.

6 Там же, С.90.

7 Там же, С.103.

8 Там же, С.103.

9 Там же, С.109.

10 Там же, С.202.

2 Там же, С.163.

3 Там же, С.163.

4 Там же, С.102.

приводит к тому, что потребность в реализации соответствующей деятельности становится «настоятельнее и сильнее»: **«Три четверти обитателей Европы неумеренностью в пище и питье усиливают и учащают в себе появление голода или жажды; та же самая история повторяется с неумеренными в половых наслаждениях. Закон этот, в приложении к наслаждениям в сферах высших чувств, т.е. к зрению и слуху, объясняется очень просто. Чем чаще в самом деле повторяется какой-нибудь страстный психический рефлекс, тем с большим и большим количеством посторонних ощущений, представлений, понятий он ассоциируется, и тем легче становится, следовательно, акт воспроизведения в сознании страстного рефлекса в форме мысли, т.е. желания».**¹¹ **Данный закон позволяет совершенно по-новому взглянуть на проповедь либерализма и неограниченной свободы западного мира.**

Следует отметить еще две установленные И.М. Сеченовым закономерности, имеющие важное значение для прикладных целей политической психологии. Первая, связанная с силой и устойчивостью эмоций, гласит: **«Ярость страсти поддерживается лишь изменчивостью страстного образа».**¹² Вторая характеризует закономерности восприятия и запоминания информации: **«То, что в данном впечатлении действительно ново (например, какая-нибудь отвлеченная мысль, слышанная простолюдином, или образ сложной невиданной машины перед глазами человека-неспециалиста), воспроизведимо быть вообще не может; мало знакомое воспроизводится неясно, отрывочно; фотографически же верно только то, что часто повторялось и не зависит от изменчивости условий восприятия ... воспроизведимо может быть только усвоенное, только то, что понято».**¹³ Определяющим здесь является смысл услышанного, а не фотографичность восприятия. Предупреждая упрек в тривиальности данных положений, еще раз обратим внимание на то, что написано это было в 1878 году.

И.М. Сеченов первым научно обосновал всеобъемлющее значение прошлого опыта для психической деятельности человека. Он показал, что часто подвергающийся внезапным внешним воздействиям человек развивает в себе способность противостоять им. При этом реакция организма на раздражитель зависит не только от физических свойств самого раздражителя, но и от сложившихся на основании прошлого опыта субъективных представлений о нем. Все эти представления, несмотря на субъективность, производят «реальное возбуждение центральных нервных аппаратов»¹⁴ и пред-

ставляют безусловную реальность, сообразуясь с которой человек выстраивает свое поведение. Любое, пусть даже самое бредовое, представление столько же реально в смысле факта, как и всякое разумное представление. Поскольку **вображение может производить «одинаковый эффект с реальным чувственным возбуждением»**,¹⁵ его использование занимает совершенно особое место в политике.

И.М. Сеченов первым обращается и к другой актуальной для политической психологии проблеме – **неадекватности мышления**. Одну из причин этого явления он обнаруживает в **разном количестве зрительных и слуховых образов**, получаемых ребенком в процессе его развития. Результатом традиционного «воспитания чувств», при котором «в течение одного и того же времени можно слышать несравненно больше названий, чем видеть их на самом деле», становится значительный перевес слуховых ощущений над зрительными. **Мышление словами** (логическое мышление) **начинает давить над образным мышлением**. А в результате «многие вещи знаются людьми только по слуху, то есть ползутся».¹⁶

Другая причина кроется в **переносе на окружающий мир продукта умственных операций со словами «как символическими знаками предметов и их отношений»**. В результате очевидное смешивается с реальным. (В современной психологической науке это явление известно под названием психических ориентаций на имя и реальность.¹⁷) Так, «в науке появляются в виде реальностей пустые абстракты вроде «бытия», «сущности вещей» и пр. ... бывают даже такие случаи, когда человек, додумавшись, как говорится, до чертков, начинает прямо облекать в психическую реальность какую-нибудь невинную грамматическую форму; сюда относится, например, знаменитая по наивности и распространенности игра в «я». (Я-концепция в психологии – прим. авт.)».¹⁸

Сам И.М. Сеченов не был политическим психологом ни по тематике проводимых исследований, ни по стилю взаимоотношений с ученым миром. Вместе с тем, универсальность описанных им фундаментальных механизмов психической деятельности позволяет применять их и для анализа психологического-политических феноменов. Представляется, что обращение к естественнонаучной парадигме психологии, начало которой было заложено в еще не оцененном в полной мере научном наследии И.М. Сеченова, конструктивно и в отношении политической психологии.

А.В. Забарин

11 Сеченов И.М. Элементы мысли. СПб.: Питер, 2001, С. 97–98.

12 Там же, С. 105.

13 Там же, С. 259–260.

14 Там же, С. 82.

15 Там же, С. 94.

16 Там же, С. 67.

17 Вассоевич А.Л. Духовный мир народов классического Востока. (Историко-психологический метод в историко-философском исследовании) СПб., 1998

18 Сеченов И.М. Элементы мысли. СПб.: Питер, 2001, С.147.